

Марина Бондаренко

Академия труда и социальных отношений

Москва

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ГОГОЛЕВСКОГО ТЕКСТА.
„СЛОВО ГНИЛО ДА НЕ ИЗЫДЕТ ИЗ УСТ НАШИХ...”

Key words: Russian language, linguistic education, Gogol's style, speech variety

Удивительной особенностью гоголевского мироощущения, нашедшего отражение в его творчестве, была соборность, единство, сообщность. В эпоху глобализации такое мировосприятие становится насущным требованием времени, однако современный славянский мир, к сожалению, нередко демонстрирует не единение, а расщепление того пространства, на котором возростал русский язык. Питательная среда, которая его формировала, к сожалению, истончается, возводится своего рода „великая китайская стена” между двумя народами, которые в сознании, судьбе и творчестве Николая Гоголя были едины. И теперь уже гоголевское художественное пространство, с его неповторимой емкостью, включенностью в него всего сущего – от микроскопического до вселенского, может сыграть роль аккумулятора восточнославянского языкового пространства.

Пожалуй, ни один русский писатель не сравнится с Гоголем в плане возможностей, которые предоставляет его творчество при изучении русского языка – его истории, лексического запаса, словообразовательных ресурсов, средств выразительности. Многоаспектная работа с гоголевским текстом позволяет актуализировать получаемые по всей языковой системе знания, создает в сознании учащихся многомерную целостную национальную языковую картину мира, представляет образцовую русскую речь, раскрывает внутренние, скрытые при поверхностном взгляде смыслы, усиливает творческую составляющую процесса языкового познания, вырабатывает языковой вкус и стимулирует потребность к языковой рефлексии.

Стоит обратить внимание на то, что наследие Гоголя, помимо художественной прозы, включает значительный эпистолярный материал, публицистику, в том числе литературно-критическую, что в свою очередь открывает возможность характеризовать различные функциональные разновидности языка, а также предоставляет возможность всестороннего анализа наиболее востребованного в творчестве писателя функционально-смыслового типа речи – описания.

Не использовать такой арсенал в формировании языкового сознания и речевых компетенций современного молодого человека было бы по меньшей мере недальновидно, тем более что и цельное представление о творчестве Гоголя, и представление о блестящем и неповторимом стиле писателя у школьников и студентов, к сожалению, отсутствует. И это при том, что современные молодые люди прочитывают Гоголя с удовольствием, не в последнюю очередь по той, видимо, причине, что его тонкий юмор, а порой и сарказм оказывается и понятным, и принятым, и востребованным – современным.

Коренное правило жизни Гоголя – „слово гнило да не изыдет из уст наших” – может стать не только своеобразным слоганом творчества писателя, убежденного, что к читателю имеет право прийти только произведение истинно совершенное во всех отношениях, то есть к характеристике и оценке собственно гоголевского слова, но и лозунгом-характеристикой позиции, которую неплохо было бы принять современному человеку, тому, который „несет” русский язык спустя 200 лет после появления на свет русского писателя, определившего именно этот срок в качестве достаточного, чтобы развить совершенную личность русского человека.

В *Выбранных местах из переписки с друзьями* Гоголь с большой трепетностью объясняется в любви к русскому языку:

необыкновенный язык наш есть еще тайна. [...] Все это еще орудия, еще материалы, еще глыбы, еще в руде дорогие металлы, из которых выкуется иная, сильнейшая речь¹,

и одновременно дает блестящую характеристику основных особенностей русской речи, причем характеристика эта построена на основе развернутой антитезы, особенностью которой становится не резкое противопоставление категорий и качеств, но обозначение с их помощью границ создаваемого языком пространства, способного совмещать в себе эти крайности. В содержательном плане значимо здесь также сопоставление русского языка с чужеземными наречиями и отношения к нему со стороны образованного общества. План же выражения, который предложен к анализу через определение особенностей представленной здесь антитезы, блестяще отражает принцип единства

¹ Н.В. Гоголь, *Выбранные места из переписки с друзьями*, в: *Гоголь Н.В. Духовная проза*, Москва, Русская книга 1992, с. 267.

этих планов, что подтверждается и совмещением высокой и низкой лексики („восходить, младенческий” – „выболтали, дрянь”), и блестящими развернутыми метафорами („неточные названия вещей – дети мыслей невыяснившихся и сбивчивых, которые потемняют языки”), и сочным формообразованием („почерпая”, „непонятливейшего”, „ощутительной”, „потемняют”), и анафорами разного характера („потемнять – посметь – помрачить”; „еще орудия, еще материалы, еще глыбы, еще в руде дорогие металлы”). И хотя великий Виссарион Белинский в известном своем письме отказал Гоголю даже в намеке на художественные достоинства его *Выбранных мест*:

И что за язык, что за фразы!.. кто бы подумал, что эта надутая и неопрятная шумиха слов и фраз – произведение автора *Ревизора* и *Мертвых душ*?²,

позволим себе не согласиться с мнением „неистового Виссариона”, тем более что и неправ он бывал не раз (вспомним хотя бы его нелюбезное мнение о *Повестях Белкина*). Более же всего доказательством предубежденности критика становится тот вывод, который предстоит сделать учащимся, постигающим движение мысли Гоголя философа, ранее им в таком качестве не встречавшегося, прежде всего вывод о потрясающей гармонии его мысли и слова.

Багаж гоголевского наследия настолько велик, что мы будем вынуждены ограничиться лишь малой толикой *Мертвых душ* и *Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*, в то время как любая их страница способна стать благодатным исследовательским полем.

Продолжая рассуждение об особенностях русского слова, используем конец пятой главы *Мертвых душ* и сопоставим два последних абзаца. Это поможет увидеть, как в слове отражается личность говорящего, как мгновенно происходит смена тона – прозаического, с просторечиями, народно-смеховой окраской, на возвышенно-поэтический, вдохновенно-пафосный.

Сначала составим речевую характеристику первого из персонажей, выделив типичные черты, проявляющиеся в его рассуждении:

Выражается сильно русский народ! и если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица. Произнесенное метко, все равно что писанное, не вырубляется топором. А уж куды бывает метко все то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен, а всё сам-самородок, живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его, как наседка цыплят, а вклеивает сразу, как паспорт на вечную носку³.

² В.В. Вересаев, *Гоголь в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников*, Москва, Московский рабочий 1990, с. 413.

³ Н.В. Гоголь, *Собрание сочинений в шести томах*, т. 5, Москва, ГИХЛ 1959, с. 113.

Здесь прежде всего обнаруживается удивительное смешение разнородных элементов, своеобразное „разбавление” книжного, благородного языка, максимально проявляющегося на уровне синтаксиса (ряды однородных членов, многосоюзие, сложные синтаксические конструкции, определительные и сравнительные обороты), элементами типично разговорного, иногда даже обиходного характера („словцом”, „людишек”, „куды”, „сам-самородок”, „влепливает”, „пашпорт”) и фразеологизмами разного свойства, в том числе крылатыми словами, причем нередко трансформированными („каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло”, „писанное не вырубливается топором”, „не лезет за словом в карман”, „не высиживает его, как наседка цыплят”, „пойдет оно ему в род и потомство”, „на вечную носку”).

Анализ последнего абзаца главы („Как несметное множество церквей [...] как метко сказанное русское слово”⁴) выявляет уже на лексическом уровне его торжественную приподнятость, ораторскую значительность („несметное множество”, „благочестивая Русь”, „залог сил”, „дары Бога”, „творящие способности души”, „сердцеведенье”, „познание жизни”, „животрепетало”), расширяющуюся за счет синтаксических конструкций, которые разворачиваются в абзаце по принципу восходящей градации и достигают в последнем предложении контрастной амплификации.

Такое же контрастное соотношение мы наблюдаем и при анализе описательных фрагментов *Повести о том, как поспорил Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*. Можно выбрать для анализа-сопоставления описание ночи в третьей главе и описание ассамблеи в шестой. Эти описания хорошо сопоставимы по той уже причине, что рассказчик здесь предстает перед читателем как художник.

Первое описание:

Настала ночь... О, если б я был живописец [...] Но вряд ли бы я мог изобразить Ивана Ивановича, вышедшего в эту ночь с пилою в руке⁵

явно торжественно-приподнято, и появившийся было в начале намек на иронию быстро сменяется всепоглощающей праздничностью, благоговением перед чудным миром. Переход к изображению мира пошлого и непоэтичного подчеркнут противительной фигурой и сменой плавно текущей, ритмичной речи группой служебных слов. Интересно проследить за тем, как блестяще представлен здесь один из принципов развертывания описания – „сверху вниз”: от глубины мироздания, бесчисленных звезд на бездонном небе – к спящему городу с белыми домами и темными деревьями – а затем внутрь одного из этих домов. Характеризуя использованные при этом речевые приемы, выделим прежде всего синтаксический параллелизм с излюбленным гоголевским троекратным повтором – предложением-анафорой „я бы изобразил”.

⁴ Ibidem, с. 114.

⁵ Ibidem, т. 2, с. 213.

Это поможет нам понять, что по сути данный отрывок, хотя и распадается на несколько самостоятельных предложений, т.е. не является цельным предложением, представляет собой период с постепенным нарастанием интонации от одной части к другой, а затем – глубокой паузой, к тому же обозначенной многоточием, и резким понижением тона со слов „но вряд ли бы я мог изобразить”. Причем, анализируя состав каждого из элементов этого периода, определим, как Гоголь подводит нас к аподозису – через синтаксическую нисходящую градацию: первое предложение является десятичленным сложноподчиненным с девятью однородными придаточными, второе имеет уже два придаточных, третье – одно. Заканчивающее предложение связано с предыдущими сочинительной связью и является простым.

Характеристика самого развернутого предложения этого периода дает возможность увидеть, каким образом создается особая ритмическая организация данного текста: после пятого предложения перестает повторяться союз „как”, зато на первый план выступает параллелизм предикатов – „белее – темнее – чернее – душистее”. Заканчивается же первый компонент периода смелым гоголевским сравнением сверчков с неугомонными рыцарями ночи. (Рыцарский образ проходит через это описание также троекратно: „с рыцарской бесстрашностью” перелезает через плетень пономаря, а чернобровый горожанке снятся шпоры – неперменный атрибут рыцаря. Заметим кстати, что, хотя фигура пономаря и может показаться несколько нелепой, улыбка на лице читателя появиться не успевает: его влечет за собой сила гоголевского лиризма.)

Синтаксический анализ второго отрывка („Городничий давал ассамблею! [...] Каких бричек и повозок там не было!”⁶) дает возможность продолжить выявление характерных для стиля Гоголя приемов и оборотов речи. Каскад начинающих данное описание конструкций, способных передать пышущий воодушевлением восторг рассказчика: восклицательные и императивные предложения, риторические вопросы и восклицания – продолжает речь преувеличенно растянутая, с рядами однородных членов, построенных по принципу четкого параллелизма „одна – другая”, „иная – другая”, причем в каждой из этих четырех пар реализован свой сопоставительный компонент: „и... и” – „ни... ни” – „похожа на... ни на что не похожа”. Изобразительные ряды: экипажи – приглашенные – дамы – наряды – стол – разговоры – разбиваются риторическими восклицаниями: „Каких бричек и повозок там не было! – Что за ассамблею давал городничий! – А сколько было дам! – Сколько чепцов, сколько платьев! – А какой длинный стол был вытянут! – А как разговорилось все, какой шум подняли!”. Избыточность как элемент стиля иллюстрируется многократно, в том числе и применением преувеличенных по протяженности однородных рядов: „Сколько чепцов! сколько платьев! красных, желтых, кофейных, зеленых, синих, новых, перелицованных, перекроенных; платков,

⁶ Ibidem, с. 233.

лент, ридикулей!” с явным нарушением логических связей, зевгмой, характерной для Гоголя стилистической фигурой. Сравнения, также у Гоголя выступающие в качестве наиболее востребованного изобразительного средства, здесь представлены не только многократно, но еще и конструктивно различно: „похожа на огромную копну сена” – „похожа на скелет, еще не совсем освободившийся от кожи” – „была совершенная трубка с чубуком” – „подобие кареты с комнатным светом” – „толстых, как Иван Никифорович” – „таких тонких, что, казалось, каждую можно было упрятать в шпажные ножны городничего” – „Куда против этого мельница со всеми своими жерновами, колесами, шестерней, ступами!”, что не только дает возможность убедиться в разнообразии возможностей русского языка, но также проследить теперь уже на этом уровне использование приема восходящего развертывания у Гоголя.

Анализируя девятую главу *Мертвых душ*, мы сосредоточимся на выявлении характерных для прозы Гоголя экспрессивных лексических групп, тропов и фигур, способов иронического повествования и на определении того, какое место в гоголевском стиле занимают приемы, основанные на отклонении от речевой нормы.

В первую очередь обнаруживается гиперболическая красочность повествования, которая открывается пестрым цветовым ракурсом – „оранжевый – голубой – клетчатый – золотой”. Затем одно за другим начинают нанизываться на неторопливо разворачивающееся повествование отклоняющиеся от нормы сочетаемости обороты речи: „лакей... захлопнул даму дверцами, закидал ступеньками”, „дама... очутилась в платье модного узора и цвета и в длинных хвостах на шее”, „собачонки... были хлопнуты платком” и др. Исследование текста на предмет частотности использования суффиксов субъективной оценки в первой части беседы „дамы приятной во всех отношениях” и „просто приятной дамы” дает возможность увидеть, как постепенно накапливаются существительные с разнообразными уменьшительными суффиксами („барельефчиками”, „деревца”, „собачонки”, „кобелька”, „маменьки”, „ширмочками”, „уголочек” и т.д.), доходя в диалоге о фестончиках до кульминации: на 24 знаменательных слова диалога приходится 10 „фестончиков” (42%). Центральное, развернутое предложение диалога, состоящее из 13 слов, имеет в своем составе 7 „фестончиков” (54%) да еще „пелеринку” и „эполетцы” (итого – 69%). Диалог, таким образом, строится на тавтологии, которая, разумеется, не может не влечь за собой аллитерацию, прежде всего за счет доминирования звуков /ф/ и /ч/.

Тавтология становится основным изобразительным приемом и призвана подчеркнуть трафаретность, безжизненность персонажей; однообразие словесных форм – однообразие действующих лиц, их предсказуемость, неспособность к индивидуальности. Однообразие хорошо прослеживается при выделении прилагательных с уменьшительными суффиксами: первоначально это слово „тоненькие” – „тоненькие деревца” и дважды „Попури на тоненьких

ножках”; затем два раза в соседних репликах использовано слово „веселенький”, а в последней из них, самой развернутой – сложное образование „узенькие-узенькие”, также строящееся на дублировании, которое в данном предложении доходит до геминации (контактного повторения слова, словосочетания или предложения три или более раз) – „всё глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки... Словом, бесподобно!”. Сильные чувства „просто приятной дамы”, как мы видим, не имеют других способов выражения – только с помощью контактного повтора. Предложим подтвердить такую функцию данной стилистической фигуры в речи теперь уже второй дамы. Она проявляется в момент ее самого высокого негодования: „в глаза скажу, что он негодный человек, негодный, негодный, негодный” и постепенно нисходит в следующей реплике: „Распустили слухи, что он хорош, а он совсем не хорош, совсем не хорош, и нос у него... самый неприятный нос”.

Следующая часть диалога двух дам дает возможность выявить „смешение французского с нижегородским” – соседство слов явно сниженных, часто просторечных, и макаронических вкраплений. Последние особенно выпячены Гоголем, броски и потому вдвойне смешны: „бель-фам” – пышная женщина; „сконапель истоар” – что называется, история; „скандальозу”; „скандальозностей”; „пассаж”; „комеражи” – сплетни. Есть среди них и очередной контактный повтор – „оррёр, оррёр, оррёр!..” – ужас.

Повторы в речи как персонажей, так и автора, причем повторы одних и тех же слов и выражений, и так уже обладающих экспрессией, а тут еще и искусственно усиленных (к примеру, „бледная как смерть” повторено четыре раза, а „перетревожилась” девять: четыре раза в речи дамы и еще пять раз в речи автора), помогают выйти к характеристике еще одной гоголевской страсти – градации. Рассмотрим, как в создании градации участвует последняя из приведенных в качестве примера групп: „Приятная дама, услышав это, так и окаменела на месте, побледнела, побледнела, как смерть, и, точно, перетревожилась не на шутку” сопоставим с предложением, подводящим к кульминации – разрастанию слухов: „Это, выходит, просто: Андроны едут, чепуха, белиберда, сапоги всяютку! это просто черт побери!”. Здесь уже градация пятичленная, но и это не предел: за ней последует целый разворот („Как вихорь взметнулся дотолле, казалось, дремавший город! [...] и заварилась каша”), в котором градация будет представлена уже не словами и словосочетаниями, а группой предложений, причем она дополнится и п а р ц е л л я ц и е й, и анаподотом, и многосоюзием. Характеризуя, в частности, анаподотом (расчленение структуры предложения вставной конструкцией большой протяженности), предложим сопоставить и выявить общие черты традиционной вставной конструкции и развернутого сравнения, которое также оформлено повторами в прилегающем контексте: „положение их в первую минуту” – „таково совершенно было в первую минуту положение”, причем с инверсионным расположением повторяемых элементов.

При анализе кульминационной части главы проиллюстрируем характерный для Гоголя принцип контрастности, „сканируя” текст на предмет соединения не- и благозвучных элементов, высокой и низкой лексики, просторечных, фразеологических и типично книжных выражений, экспрессивного словообразования и специфических книжно-языковых словообразовательных элементов, разговорных синтаксических конструкций и конструкций, характерных для письменной речи. Это позволит в полной мере исследовать представленную у Гоголя оппозиционную пару – разговорной и книжной речи, причем провести данную работу на материале текста, в котором не используется диалог, во второй части главы отсутствующий.

Разговорные элементы в сравнении с другими отклоняющимися от нейтральной речи средствами заметно преобладают. Здесь представлена разветвленная фразеология: „пошла гулять по свету”; „наша братья”; „подъезжает подлецом”; „сбили его совершенно с толку”; „выпучив глаза”; „остановился, как баран”; „напустить такого тумана в глаза”; „Андроны едут”; „сапоги всмятку”; „что за притча”; „сваливать вину”; „баба что мешок: что положат, то несет”; „на русскую ногу”; „уходили насмерть”; „блудлив, как кошка”; „дело обделано”; „потерпеть по службе за правду”; „не приберет всего в голову”; „в носу у него сидит гусар”; „вскипятить не на жизнь, а на самую смерть”; „черт побери”; „обругать бабами и юбками”; „заварить кашу”; „задавшими пирушку”; „под микитки”; „не приберет всего в голову”, при анализе которой лучше использовать словари (фразеологический, синонимов, этимологический, Владимира Даля), чтобы определить лексическое значение оборотов и способы варьирования входящих в них компонентов.

Исследуя обнаруженные в тексте типично разговорные формы („цитует”, „позабывает”, „после одурения”, „расхлебка”, „заторчал”, „губернаторша”, „сделавши”, „произвестъ”, „подвергнулись”, „пашпортов”, „протопопша”, „попримрут”, „прибегнули”, „прилипчивее”, „физиогномия”) и слова („дока”, „впросонках”, „загогулины”, „дурак”, „чепуха”, „белиберда”, „тюрюк”, „байбак”, „приткнуть”, „захрапы”, „толковня”, „распеканья”, „надуть”, „садка”), а также окказиональные выражения, созданные по типу или на основе разговорных („получает рысь”, „дребезжалка”, „колесосвистка”, „взбутетенивань”), предложим сформулировать мнение о причинах доминирования разговорных элементов с точки зрения того, как данный речевой аспект характеризует повествователя.

С одной стороны, можно сказать, что Гоголь создает тип повествователя-сказителя, чей доверительный, „домашний”, „свойский” говорок делает предмет рассказа близким, касающимся каждого, а не запредельно далеким. Таким образом Гоголь реализует эффект присутствия, сопричастности, развывая уже своими средствами тот прием, который был гениально реализован Пушкиным в *Повестях Белкина*. С другой стороны, обнаружение параллельно с разговорными элементами типично книжных слов и выражений делового

и публицистического характера, иногда даже с претензией на высокую художественность выражения мысли („сделать декларацию насчет руки дочери”, „не было взято надлежащих мер”, „исполненная непрерывных сомнений и вечной боязни”, „нежное движение его сердца” и др.), помогают определить соседство таких разностилевых элементов как блестящий способ иронического повествования. Это делает характеристику рассказчика более глубокой, помогает открыть в нем не „простачка”, а мудрого, прекрасно разбирающегося в человеческой психологии наблюдателя, даже философа.

Практически с самого начала (со второго абзаца) той части главы, где заканчивается диалог двух дам и в полные права вступает рассказчик, он предлагает достаточно пространное описание „умных людей”, причем дает его от первого лица, таким образом и себя относя к данной категории людей:

Наша братья, народ умный, как мы называем себя, поступает почти так же, и доказательством служат наши ученые рассуждения. Сперва ученый подъезжает в них необыкновенным подлецом⁷.

Степень иронии (самоиронии) в данном отрывке подчеркнута любимым гоголевским оборотом – градац и ей, причем организованной разными компонентами и с привлечением сопутствующих, в том числе графических средств. В целом же данная фигура трижды использована в абзаце и таким образом сама становится градацией: сначала это слова и словосочетания, затем вопросительные предложения, а в итоге – синтаксически развернутый пассаж, включающий в себя все перечисленные обороты речи. Зеркальность данного построения подчеркнута контрастными характеристиками („начинает робко, умеренно, начинает самым смиренным запросом” – „получает рысь”, „бодрится”, „разговаривает запросто” и др.), соотношением вопросов и ответов („не оттуда ли? не из того ли угла получила имя такая-то страна?” – „так это вот как было, так вот какой народ нужно разуметь, так вот с какой точки нужно смотреть на предмет!”). Здесь, как мы видим, помимо анафоры, прекрасно работает интонационно-графическое сопровождение, когда вопросительным знакам, усиливающим робость и неуверенность, соответствуют восклицательные – передающие не столько радость открытия, сколько радость необоснованного превосходства. Потому ирония последнего предложения особенно рельефна: она подготовлена предыдущим разворотом и увеличена блестящим сочетанием книжных выражений высокого, даже пафосного напряжения с оборотами сниженного характера: „во всеуслышанье”, „пошла гулять по свету”, „набирая себе последователей и поклонников”.

Продолжим рассмотрение оппозиции разговорной и книжной речи на уровне синтаксиса, для чего выделим типичные для каждой из сфер функционирования языка обороты, определяя их особенности и давая количественные характеристики.

⁷ Ibidem, т. 5, с. 196.

Обращает на себя внимание протяженность сравнительных конструкций, развернутость, являющаяся основанием для выделения особого вида развернутого сравнения – эпического. Последняя стилистическая фигура фактически выполняет роль микротекста, поскольку взятые для сравнения явления или предметы описывают объект с такими подробностями, что уже заслоняют его и становятся самодостаточными. Это формирует принципиальную особенность гоголевского изображения мира – всеобъемлемость, которая создается за счет включенности каждого фрагмента, каждого незначительного штриха, детали в цельную картину мира.

Такого рода сравнений даже на этом отрезке текста достаточно много, причем характерная для них а м п л и ф и к а ц и я (увеличенная протяженность высказывания) ставит их в первый ряд по количеству включенных в их состав разнообразных синтаксических приемов и лексических элементов. Проанализированный выше фрагмент текста о „нашей братье” мы и будем трактовать либо как отступление (д и г р е с с и ю, отклонение от основной темы), либо как развернутое сравнение, тем более что оно и вводится с использованием элемента сравнения – „поступает почти так же”. А следующее эпическое сравнение – ошеломленных чиновников со школьником, которому в нос засунули гусара, – как нельзя лучше иллюстрирует данный тезис: собственно развертывание сравнения – это одно предложение, состоящее из 90 слов, что составляет приблизительно 30% от общего объема слов в пределах страницы. Причем при анализе данного фрагмента выделяется удивительное смешение комического и высокого. С одной стороны – „бумажка”, „нос”, „табак”, „сонный школьник”, вскакивающий, „как дурак, выпучив глаза”, „смех товарищей”, а с другой – „озаренные лучом солнца стены”, „проснувшееся утро”, „звучащие птичьи голоса”, „осветившаяся речка”, „пропадающая блещущими загогулинами”.

Анализируя следующую развернутую фигуру: „Что ж за притча, в самом деле, что за притча эти мертвые души?”, выделим лексико-синтаксический параллелизм, анафоры, собственно и риторические вопросы, вопросно-ответный ход, однородные ряды, градацию, комбинацию лексических и иных повторов. При этом обратим внимание также и на то, какую роль играют здесь знаки препинания (на 21 строку данного фрагмента приходится 12 вопросительных знаков), частицы („же/ж” встречается 10 раз), а десятикратно повторяющиеся „мертвые души” в сочетании с этой частицей поневоле задают четкую аллитерацию – повтор шипящих „ж” и „ш”, к которым присоединяется „ч”, и на этом отрезке (приблизительно в 190 словах) шипящие употреблены 48 раз, т.е. в каждом четвертом слове.

Интенсивность использования служебных частей речи, явная разорванность оборотов, другие типичные для диалога элементы – все это помогает имитировать многоголосие суждений, к тому же сопровождающееся растерянностью, недоумением, возмущением людей практических и правильных,

для которых в жизни все размеренно, точно и объяснимо, а выходящее за эти пределы – непозволительно и раздражающе. Все это удивительно точно копирует повествователь, тем более что именно толки, слухи, разговоры теперь заполняют все пространство главы, постепенно разворачиваясь, расширяясь, иногда доходя почти до монологических включений, дополняемых характеристикой участников споров и обстоятельным, детальным обзором реального состояния дел в губернии, который вызывает в памяти аналогично складывающуюся ситуацию, отраженную в *Ревизоре*. А дух „инкогнито проклятого” пронизывает собой пространство и этого гоголевского текста.

Развертывание этого протяженного абзаца (он занимает три с половиной страницы, а последний абзац главы, который разделяет с данным небольшая „перемычка”, достигнет почти пяти!) происходит за счет восклицательного предложения, усиленного сравнением: „Как вихорь взметнулся дотоле, казалось, дремавший город!”. Заметим, что от этого предложения веет богатырским размахом, отличающим *Тараса Бульбу*, вторая редакция которого создается одновременно с первым томом *Мертвых душ*. И вспоминается об этом здесь вовсе не случайно: мощь и напористость разворачивающихся на данных страницах событий, их массовость, когда происходящее начинает касаться каждого, как это бывает в период общей беды, становится своего рода кривым зеркалом событий, происходящих в героической повести.

Проанализируем, как создается „героическое” пространство *Мертвых душ* (тут, кстати, еще раз неплохо бы остановиться на жанровой характеристике произведения и сопоставить понятие „героическое” и „поэма”, выявив их взаимосвязь и взаимозависимость). Высокая экспрессия вводящего в ситуацию предложения сменяется максимальной экспрессией сниженного иронического повествования: „вылезли из нор все тюрюки и байбаки”. И разворачивающая характеристику этого пространства периодическая речь, как всегда у Гоголя, оригинальна: она осложнена парцелляцией, анаподотомом, анафоричными соотносительными словами, нанизыванием падежей, рядами однородных членов и многосоюзием.

Теперь сосредоточим внимание на характеристике двух образовавшихся в городе партий – мужской и женской, выделив те параметры, по которым строит рассказчик их описание: общая характеристика „партий”; основной предмет обсуждения (версия) и ее варианты, их оценка, после чего сопоставим их представление.

Заметно, что симпатия рассказчика на стороне женской партии. Она выражается и в прямых характеристиках, в том числе сопоставительных с противоположной партией, самих участниц обсуждения („несравненно более порядка и осмотрительности”, „хорошие хозяйки и распорядительницы”); и в оценке предложенной ими версии („живой определенный вид”, „ясные и очевидные формы”, „вышла оконченная картинка”); и в последовательности и логичности действий („сюжет доставлен в собственные уши губернаторши”).

Речевые конструкции, использованные для характеристики представленных дамами версий, также ровны, размеренны, ясно развернуты. В основном это многочленные сложноподчиненные предложения, а в конце рассказчик использует простое предложение с тремя сказуемыми, именная часть двух из которых выражена сравнительной степенью прилагательного. Трехчленна и следующая за этим характеристика „губернаторши”: „как мать семейства, как первая в городе дама, наконец как дама, не подозревавшая ничего подобного”, предваряющая и обосновывающая естественность ее реакции, которая выражена с использованием соответствующей высокой лексики и книжного синтаксиса: „была совершенно оскорблена подобными историями и пришла в негодование, во всех отношениях справедливое”.

Иным образом представлена „мужская партия”, характеристика которой также строится на четком противопоставлении: „Совсем не было такого порядка, как в женской”. В описании данной „партии” отсутствие порядка станет лейтмотивом, который будут подчеркивать использованные языковые средства. Это нагроможденность, доходящая до беспорядочности и даже захламленности (имя Плюшкина, следовательно, возникает здесь не случайно – его образ становится ассоциативным) на всех языковых уровнях – фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом.

Начальная оценка „мужской партии” становится своего рода организующим, семантически определяющим весь дальнейший отрезок текста (до конца главы):

Все у них было как-то черство, неотесанно, неладно, негоже, нестройно, нехорошо, в голове кутерьма, сутолока, сбивчивость, неопрятность в мыслях, – одним словом, так и вызначилась во всем пустая природа мужчины, природа грубая, тяжелая, не способная ни к домостроительству, ни к сердечным убеждениям, маловерная, ленивая, исполненная беспрерывных сомнений и вечной боязни⁸.

Однородные ряды сменяют один другой, градации превышают средний показатель по компонентам в 2 раза. На 36 значащих слов в данном предложении 21 входит в один из 5 рядов однородных членов, количественный состав которых колеблется от одного до семи. Причем интересно посмотреть на состав этих рядов и с точки зрения морфологии: наречия – существительные – прилагательные. Существительные в свою очередь семантически, сферой употребления и стилистической окраской сталкиваются: „кутерма”, „сутолока”, „сбивчивость”, „неопрятность” – „домостроительство”, „сердечные убеждения”, „сомнения”, „вечная боязнь”. Обращает на себя внимание и морфемная анафора, использованная в первом однородном ряду: неотесанно – неладно – негоже – нестройно – нехорошо.

Следующая конструкция также организована по принципу однородности, только это уже сложноподчиненное предложение с однородными при-

⁸ Ibidem, с. 201.

даточными, тоже построенное с использованием анафоры: 7 раз употреблен союз „что”, который ускоряет ритм звучащих предположений. Причем „что” проходит через весь текст (это естественно, ведь „что” типичный элемент, вводящий косвенную речь), тесно взаимодействуя с „если” и другими подчинительными союзами, поскольку развернуто представлены ниже версии проходят путь от недоумения по поводу покупаемых Чичиковым мертвых душ до всеобъемлющего страха перед начальством за самих себя.

И перед тем, как данные версии пускаются на суд, дается объяснение причины суеты и тревоги: „пойдут переборки, распеканья, взбутетениванья и всякие должностные похлебки, которыми угощает начальник своих подчиненных”, анализ которого выявляет пестроту представленной градации, складывающейся по восходящему принципу не столько за счет семантики составляющих ее элементов, сколько за счет их стилистической окраски. В этом плане особый интерес представляет, конечно, сопоставление последней пары. „Взбутетениванья” требуют к себе повышенного внимания: не только потому, что не встречаются больше ни в одном тексте (как это и положено для окказионализма), но и потому, что лексическое значение данного слова выявляется только в рамках данного ряда. В то же время в *Словаре современного русского литературного языка* глагольная пара „взбутетенить – взбутетенивать” представлена, с пометой „устаревшее просторечное”⁹, работая же со словарем Даля, мы обнаруживаем глагол „бутетенить”, сопровождаемый пометой „оренбургское”, производный от „бубен” и определяемый как „трезвонить”, а также „бить, колотить, сечь”¹⁰. Такое внимание к данному слову помогает осмыслить его широту, не уступающую даже следующему за ним развернутому метафоричному обороту.

Анализируя версию инспектора врачебной управы, обратим внимание на то, как вплетаются в речь повествователя „канцелярские” обороты, деловая терминология, цепочка родительных падежей в 4 звена и др. Бросаются же в глаза они потому, что окольцованы типично разговорными, даже сниженными выражениями: „вдруг побледнел; представилось бог знает что; вздор, вдруг побледнел сам”. Как видим, кольцо здесь четко обозначено лексическим повтором.

Введение официально-деловых оборотов на всем пространстве, в котором действует прежде всего чиновничество, становится ярким средством характеристики персонажей: деловая речь, разворачивающаяся за счет устойчивых, клишированных, стандартных, привычных, легко воспроизводимых конструкций, идет как по маслу. Перед читателем как будто встают те документы, которые в великом множестве строчатся в российских канцеляриях

⁹ *Словарь современного русского литературного языка, в 20 т.*, т. 2, 2-е изд., перераб. и доп., Москва, Русский язык 1991, с. 189.

¹⁰ В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка, в 4 т.*, т. 1: А–З, Москва, ТЕРРА 1994, с. 135.

по всем возможным поводам: здесь и деловые письма, и объяснительные, и акты, и протоколы, и судебные дознания, и донесения, и распоряжения.

Рассказчик, прекрасно владея деловым слогом, максимально использует его в сцене обсуждения Чичикова чиновниками. За этой „накатанной” речью нет, конечно, человека, с душой, волнением, сочувствием, но зато без меры важности, значимости и значительности, превосходства, реализуемых прежде всего за счет языка „дела”. Когда же ситуация выходит из-под контроля, тогда и обнаруживается подлинная их суть. Деловой лоск слетает, и их растерянности, возбужденности, страху, конечно, соответствует речь разорванная, эллиптическая, наполненная разнообразными экспрессивными оборотами, в том числе и негативного характера, субъективно-оценочными и просторечно-разговорными словами и выражениями. Спонтанность и неподготовленность (здесь, конечно, условные: не забудем о том, что это текст художественный и без воли автора ничего произойти не может, следовательно, выражен прежде всего его взгляд на персонажей), характерные для разговорной речи, в большей мере, чем что-либо другое, способны воссоздать истинный портрет рисуемых персонажей.

Остановимся на предложении, в котором чиновники подводят некий промежуточный итог собранным сведениям:

Конечно, никак нельзя было предполагать, чтобы тут относилось что-нибудь к Чичикову; однако ж все, как поразмыслили каждый с своей стороны, как припомнили, что они еще не знают, кто таков на самом деле есть Чичиков, что он сам весьма неясно отзывался насчет собственного лица, говорил, правда, что потерпел по службе за правду, да ведь все это как-то неясно, и когда вспомнили при этом, что он даже выразился, будто имел много неприятелей, покушавшихся на жизнь его, то задумались еще более: стало быть, жизнь его была в опасности, стало быть, его преследовали, стало быть, он ведь сделал же что-нибудь такое... да кто же он в самом деле такой?¹¹

В данном предложении 105 слов, что, как мы понимаем, значительно превышает средний показатель длины предложения, но у Гоголя в речи повествователя это явление нередкое. В то же время более детальный морфологический анализ помогает обнаружить следующие его особенности: входящие в состав сложного синтаксического целого предложения в среднем включают 6 слов; служебные части речи составляют 30% от общего числа слов (средний показатель у Гоголя – 14%); местоименных слов тоже 30% (средний показатель у Гоголя – 15%), то есть слов собственно значащих в данном предложении – меньше половины. Интересно и наблюдение за средней длиной слова: здесь она составляет 2 слога (подсчет производится исходя из 100 слов, т.к. 5 слов слогов не представляют). Причем односложных слов 36, двусложных 38 (в сумме 74%), а более длинных слов всего 26. Можно, конечно, списать такое косноязычие за счет необычности ситуации,

¹¹ Ibidem, с. 203–204.

но тогда лучше бы они молчали – немая сцена была бы куда как более им к лицу. Однако мастер создания немых сцен не дарит такой радости своим персонажам, а заставляет их проявить себя в полной мере. Кому как не Гоголю, прошедшему немало времени в различных канцеляриях, знать истинную цену „развернутым” речам деловых людей, за которыми скрываются на поверку такие вот куцые речонки, соответствующие уровню их сознания.

Еще раз отметим: прямой речи здесь нет, и все перечисленные элементы составляют речь рассказчика, воссоздающего, как мы видим, картину происходящего посредством широкого использования не с о б т в е н н о - п р я м о й р е ч и, как известно, являющейся стилистической фигурой экспрессивного синтаксиса.

Такое исследование гоголевского текста, как показывает практика, вызывает необычайную заинтересованность: Гоголь открывается студентам не классиком – „мумией” (воспользуемся определением Владимира Маяковского), а „живым”, проявляющимся в речи широко, разнопланово, иронически играющего словом, причем (и это немаловажно) студенты получают наглядный пример словесной игры, которая идет не от невежественности, не от неуважения к языку и собеседнику, не забавы ради, а от задачи, которую ставит перед собой автор. И становится понятно, что только в таком случае и смешение разностилевых элементов, и речевая избыточность вкупе с другими явными отступлениями от речевой нормы становятся не отражением неразвитого языкового сознания, а характерной особенностью сатирической манеры писателя, причем избранной именно для того, чтобы охарактеризовать это самое неразвитое сознание, отличающее действующих в его поэме персонажей.

Детальное проникновение в гоголевский текст помогает установлению прямого контакта между современным человеком и отдаленным от него во времени писателем, причем контактом, обнаруживающим современность Гоголя, что способствует решению непростой задачи взаимоотношений с классикой.

Summary

Linguadidactics Potential of the Gogol's Works

Particular attention in the article is paid to speech development through Gogol's works. His literary productions are distinguished by variety of linguistic resources. Some exercises are devoted to poem *Dead Souls* and *The Story of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich*. They are characterized by speech variety: Gogol uses gradation, namely syntactical gradation, literature neologisms, humorous vocabulary, professionalisms, high and low words, popular speech, phraseology, antithesis and many other linguistic means.